

УДК 342(470+571)(075.8)
ББК 67.400(2Рос)я73
С83

Председатель редакционного совета сборника:

проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор
В. Н. Синюков

Редакционная коллегия:

зав. кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, профессор **В. В. Комарова**; зав. кафедрой международного частного права, профессор, доктор юридических наук **Г. К. Дмитриева**; доцент кафедры международного частного права, кандидат юридических наук **М. В. Мажорина**; доцент кафедры интеграционного и европейского права, кандидат юридических наук **В. Ю. Слепак**; старший преподаватель кафедры международного права, кандидат юридических наук **О. И. Ильинская**; преподаватель кафедры конституционного и муниципального права, кандидат юридических наук **С. С. Заикин**

С83 Стратегия национального развития и задачи российской юридической науки : сб. докладов Международной научно-практической конференции, секций конституционного и муниципального права, международного права, интеграционного и европейского права, международного частного права (Москва, 24 ноября — 3 декабря 2015 г.). — Москва : Проспект, 2016. — 384 с.

ISBN 978-5-392-21177-7

24 ноября — 3 декабря 2015 г. в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научно-практическая конференция «Стратегия национального развития и задачи российской юридической науки». В сборник включены доклады, подготовленные для заседаний секций, проводившихся в рамках конференции. Материалы представлены учеными из разных городов России, а также из других стран.

Сборник рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов и факультетов. Сборник также представляет интерес для руководителей органов государственной власти и местного самоуправления, сотрудников правоохранительных органов, бизнес-сообщества.

УДК 342(470+571)(075.8)
ББК 67.400(2Рос)я73

© Коллектив авторов, 2016
© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2016
© Оформление. ООО «Проспект», 2016

ISBN 978-5-392-21177-7

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

МОСКОВСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НЕДЕЛЯ

Международная
научно-практическая конференция

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ЗАДАЧИ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

СЕКЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА

СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

СЕКЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО
И ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА

СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

«ПРОСПЕКТ»
Москва
2016

полнительную возможность по трудоустройству, у них появилась возможность принимать участие в различных студенческих конференциях, семинарах и т. д., в том числе на национальном и на региональном уровнях. Более того, те выпускники, что начали работать в судебных инстанциях, прокуратуре, адвокатуре, получили признание со стороны своих коллег и руководства, поскольку их знания явились весьма кстати, в условиях, когда количество лиц, просящих убежище в Республике Молдова, заметно возросло в последние годы. Отметим одну интересную деталь. В 2008 г. был принят Закон Республики Молдова об убежище (вступил в силу в 2009 г.), заменивший ранее существующий Закон о беженцах (принят в 2002 г.). А говорить о значимости данной дисциплины сегодня, когда Европа сталкивается с невероятным количеством беженцев с Ближнего Востока и не приходится. Естественно, что при разработке названного законопроекта были учтены международные обязательства, взятые на себя Республикой Молдова, а также положения регулирующие политику убежища в Европейском Союзе.

Это всего лишь один из примеров, подтверждающих значимость некоторых дисциплин, чье включение в учебные программы связаны с реалиями времени и обязательствами государств, однако, к сожалению, часто сталкивается с откровенным бойкотом со стороны руководства либо сторонников «традиционного» подхода к обучению будущих юристов. Такое положение дел иногда может сыграть злую шутку как для университета в частности, так и для государства в целом. По нашему мнению, в данном случае явно просматривается аналогия с МГП.

Jus ad bellum u jus in bello: дивергенция или все же конвергенция?

Глотова С. В.,

*к. ю. н., доцент кафедры международного права
Юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*

В эти дни мы отмечаем 70 лет со дня создания Организации Объединенных Наций. Преамбула Устава провозглашает намерение государств-членов «избавить грядущие поколения от бедствий войны». В этих целях закрепляется принцип неприменения силы и угрозы ее применения (ч. 4 ст. 2): «Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций». Этот принцип заменил право государства на войну (*jus ad bellum*)¹.

¹ Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970. С. 57–65; Глотова С. В. «Принцип неприменения силы и угрозы силой» в: Международные отношения и мировая политика. Учебно-методический комплекс / под ред. П. А. Цыганкова. М., 2014. С. 510–514.

Традиционно утверждать о разграничении правового режима, регулирующего правомерность применения силы (*jus ad bellum*, правильное все же говорить о запрете права на войну: *jus contra bellum*) и отрасли международного права, содержащей запреты в отношении средств и методов ведения войны (*jus in bello*)¹. Появление данного постулата связывается с возникновением МГП (или права вооруженных конфликтов) на рубеже XX–XXI вв. Аргументация основывается на т. н. факте политической реальности — «несмотря на запрещение применения силы между государствами, на котором основан Устав ООН, вооруженные конфликты все равно происходят; и политические решения относительно того, кто нарушил данные правовые нормы не должны влиять на защиту жертв войны»². Однако этот факт сам по себе не обосновывает жесткое разграничение. В силу целого ряда факторов, как будет показано ниже, гуманитарное право для своего применения требует как учета норм *jus ad bellum*, так и анализа иных методов взаимоотношений.

Процесс юридической классификации для определения применяемого права международных или немеждународных вооруженных конфликтов, иногда требует анализа *jus ad bellum*. Возможное пересечение *jus ad bellum* и *jus in bello* может происходить в ряде ситуаций, включая опосредованные войны, войны за независимость, операции по поддержанию мира и так называемую «войну с терроризмом». В каждом из этих случаев от государств требуется дать объективную характеристику ситуации. Поэтому важно обращаться к праву неприменения силы особенно в контексте выявления правомерных ограничений, к которым относятся два обстоятельства: право на самооборону и принудительные меры СБ ООН.

Право на индивидуальную и коллективную самооборону, основанное как на ст. 51 Устава ООН, так и обычном праве, возникает в случае вооруженного нападения³ и имеет сущностные (соразмерность и необходимость) и временные ограничения («до тех пор пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности»). Основанием самообороны может быть только вооруженное нападение, но не гуманитарные основания (гуманитарная интервенция). Международный Суд в решении по делу Никарагуа отверг ссылку США на самооборону под предлогом защиты прав человека.⁴ Вместе с тем иные основания для самообороны (защита/спасение собственных граждан за рубежом; нападение на вооруженные силы государства;

¹ Напр.: «Один из основополагающих принципов международного права — проведение различия между отраслью права, регулирующей право государств прибегать к применению силы друг против друга, основные положения которого содержатся в Уставе ООН, и отраслью права, защищающей жертв и налагающей ограничения на средства и методы ведения войны (*jus in bello*)» — Карсуэлл Э. Дж. Классификация конфликта: дилемма, стоящая перед военнослужащим // Международный журнал Красного Креста. 20–10-2009: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/article/review/review-873-p143.htm>. Также Маффемтоне С. «Справедливая Война и Гуманитарная Интервенция». 27 августа 2015. <http://www.globalaffairs.ru/valday/Spravedlivaya-Voina-i-Gumanitarnaya-Intervenciya-17652#r1>.

² Ibid.

³ Большинство считают, что нападение может иметь место только со стороны государства (также см. Решение по делу Никарагуа, где Суд отклонил серьезные и менее серьезные случаи применения силы); но также есть позиции что толкование статьи предполагает возможность нападения и со стороны иных акторов (Sloane R. D., «The Cost of Conflation: Preserving the Dualism of *Jus ad Bellum* and *Jus in Bello* in the Contemporary Law of War», p. 93).

⁴ I. C. J. Reports... 1986. P. 195.

самооборона в ответ на действия негосударственных террористических акторов) дискutiруются в практике и доктрине.

Что касается принятия мер Советом Безопасности на основании Главы VII (ст. 39–42) Устава, здесь являются актуальными вопросы выхода за пределы уполномочия Совета в контексте «принятия всех необходимых мер».

Сегодня, когда корпус норм МГП является разветвленной и комплексом норм, когда современные угрозы и вызовы — непрекращающиеся вооруженные конфликты по всему миру, ужасающие по своей опасности и последствиям акты международного терроризма (Пан Ги Мун назвал международный терроризм главной угрозой современности, см. Доклад Генерального секретаря ООН) стали частью международной действительности, хотелось бы перепроверить это традиционное утверждение в рамках современной международно-правовой парадигмы¹. Очевидно, что вопрос о выделении отраслей в современном международном праве с точки зрения правовой теории является дискуссионной проблемой: наряду с обособленными группами норм, сорганизованными в институты и охватывающими схожий предмет регулирования, метод регулирования остается единым: консенсуальный или согласительный. Наряду с этим, целый ряд отраслей испытывает тенденции взаимовлияния и взаимопроникновения, обогащения и другие формы юридико-технического и сущностного взаимоотношения. Примером является различного рода взаимодействия между международным правом прав человека и МГП; международным уголовным правом; международным экологическим правом и международным правом прав человека и другие. Доклад Исследовательской группы о фрагментации 2006 г. задал тон критического осмысления соотношения ряда правовых режимов, различных видов норм (значимы выводы о превалировании императивных норм)².

Выскажем следующие соображения о пересечении этих норм.

1. В историческом плане зарождение принципа неприменения силы берет своим отчетом ограничение права на войну в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг. о запрещенных средствах и методах ведения войны (законы и обычаи войны). Очевидно, что дуализм *jus ad bellum* и *jus in bello* был оправдан во времена старого международного права с противопоставлением различных правовых режимов (состояние войны, состояние мира). Устранение войны как правомерного основания предопределяет фактическое регулирование отдельными отраслями международного права, и следовательно, наличие диалектический взаимосвязи между ними; равно как и отсутствие четкого разделения между войной и миром ввиду превалирования немеждународных конфликтов, необъявленных войн и наличием переходных состояний от войны к миру (постконфликтное миростроительство). Дуалистическая концепция вооруженного

¹ Stahn C., «*Jus ad bellum*», «*Jus in Bello*»... «*Jus Post Bellum*»? Rethinking the Conception of the Law of Armed Force», in *EJIL*, Vol. 17, No. 5, 2006, pp. 921–943. Также см. Orakelashvili A., «Overlap and Convergence: the Interaction between *Jus ad Bellum* and *Jus in Bello* // *Journal of Conflict and Security Law*, Vol. 12, No. 2, 2007, pp. 157–196; Sassoli M., «*Jus ad bellum* and *Jus in Bello* — The Separation between the Legality of the Use of Force and Humanitarian Rules to be Respected in Warfare: Crucial or Outdated?», in Schmitt M. & Pejji J. (eds), *International Law and Armed Conflict: Exploring the Faultlines, Essays in Honour of Yoram Dinstein*, Leiden/Boston, 2007, pp. 242–264.

² Мы придерживаемся точки зрения об императивности Нюрнбергских принципов. См.: Документ ООН, 5-я сессия, доп. 12. UN Doc. A/316(1950). Тункин Г. И. Ibid., С. 182; Meron T. The Humanization of International Law. Leiden. 2006. P. 206.

конфликта на основе разделения между *jus ad bellum* и *jus in bello* представляет упрощенное секвенирование и категоризацию поведения лиц в ходе военных действий. Право вооруженных конфликтов сейчас далеко не тот узкий корпус норм, каким оно было на рубеже XX в. Одним из достижений современного МГП является то, что оно обеспечивает больше, чем просто запреты и ограничения средств и методов войны; оно регулирует отношения между различными субъектами (вооруженные силы, гражданское население, свергнутое правительство)¹. Такие институты, как индивидуальная уголовная ответственность, принцип «гуманизации» были гораздо менее развиты.

2. Материально-правовой аспект. И правомерные, и неправомерные случаи применения вооруженной силы порождают наступление действия МГП. Отдельные институты неприменения силы оказывают воздействие: так, на самооборону нельзя ссылаться в оправдание нарушений по МГП. Вместе с тем, серьезные нарушения гуманитарного права могут быть триггером для действия норм права запрещения силы (обсуждалось в контексте Иракской войны 1991 и ситуации в Косово в 1999). В судебной практике Международного суда ООН вопрос о нарушении норм о неприменении силы сопровождался выяснением вопроса о нарушении норм гуманитарного права: дело Никарагуа против США²; дело о Нефтяных платформах³; Вооруженные действия на территории Конго⁴; заключение о Правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории⁵. Так, в заключении о Законности угрозы и применения ядерного оружия⁶ он указал, что применение ядерного оружия является нарушением норм права вооруженных конфликтов. В таких делах Суд упомянул о статусе норм *jus cogens*: «нормы международного гуманитарного права образуют незыблемые принципы международного обычного права»⁷.

3. В институциональном плане Совет Безопасности обладает главной ответственностью в деле поддержания мира и международной безопасности и действует от имени государств для реализации этой ответственности (ст. 24), осуществляя свои полномочия применительно к разрешению / влиянию на международные и немеждународные вооруженные конфликты (определены в главах VI, VII, VIII и др.).

В сфере реализации полномочий по реагированию на нарушения мира, угрозы миру и акты агрессии в виде принятия принудительных мир по главе VII Устава СБ ООН неоднократно призывал к соблюдению гуманитарного права (конфликт между Ираном и Ираком, рез. 598 (1987), вторжение Кувейт 670 и 674 (1990) и др.). Это касается и внутренних конфликтов: применительно

¹ *Stahn C.*, Ibid., P. 27.

² Case concerning Military and paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. USA). ICJ Reports. 1986, para. 218.

³ Oil Platforms, Preliminary Objection ICJ Reports. 2003.

⁴ Суд постановил, что самооборона может быть использована против государств. Armed Activities on the Territory of the Congo (Congo v. Uganda) 2005, ICJ 116, P. 144–47.

⁵ Консультативное заключение, 2004 ICJ 136, 194–95.

⁶ Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons (ICJ Report 1996).

⁷ ICJ Report 1996, p. 257, para. 79, “they constitute intransgressible principles of international customary law”. См. Muellerson Rein, “On the Relationship Between *Ius ad bellum* and *Ius in bello* in the General Assembly Advisory Opinion”, in Boisson de Chazournes Laurence (ed.), International Law, the International Court of Justice and Nuclear Weapons, Cambridge, CUP, 1999, pp. 267–274.

к конфликту в Югославии он делал ссылки на МГП более 30 раз¹. Осуществляя действия по воздействию (непосредственному и косвенному) на происходящие военные действия (*jus ad bellum*), Совет также предпринимает инициативы по защите жертв войны, военнопленных и других категорий лиц (*jus in bello*). Он использует возможности для осуждения серьезных нарушителей МГП, требует соблюдения норм; предоставления докладов и др. Вводятся новые механизмы: замораживание активов в рамках целенаправленных санкций; создание международных трибуналов, передача ситуаций МУС, если сторона не является участником вооруженного конфликта (Судан, Ливия), создание комиссий по расследованию, фондов компенсаций жертвам. Можно выделить еще ряд точек пересечения и взаимодействия (операции по восстановлению мира).

В таких ситуациях Совет выполняет положения Устава ООН, а также МГП. Стоит отметить различия в применении двух видов норм: преамбула ДП I к Женевским Конвенциям требует применения «ко всем лицам, которые находятся под защитой этих документов без какого бы то ни было неблагоприятного различия, основанного на характере и происхождении вооруженного конфликта или на причинах, выдвигаемых сторонами находящихся в конфликте, или приписываемых им».

4. Реагирование на террористические угрозы (в повестке дня СБ с 1999 г.) и меры в рамках концепции «ответственности по защите»² также оказывают воздействие на взаимоотношение права неприменения силы и МГП. Введение в категорию конфликтов «войны с терроризмом» (как против агентов государства, так и самостоятельных групп) ставит с необходимостью вопрос о применимости Третьей Женевской конвенции, статуса комбатантов и ряда иных прав³.

Итоговый документ Всемирного Саммита говорит об «обязанности каждого государства защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности». Международное сообщество обязано использовать дипломатические, гуманитарные и другие мирные средства, для того чтобы содействовать защите населения от этих преступлений. Подтверждение роли СБ ООН и его полномочий на действия с учетом конкретных обстоятельств и в сотрудничестве с региональными организациями, если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти не в состоянии защитить свое население, также затрагивает право вооруженных конфликтов. Средством реагирования стала резолюция 1973 (2011) по ситуации в Ливии, в которой государства-члены были уполномочены к принятию «всех необходимых мер» для защиты гражданских лиц. Однако это привело к неограниченному применению военной силы и росту жертв среди гражданского населения в отсутствие мониторинга за действиями НАТО⁴.

¹ Пфаннер Т. Имплементация МГП и предоставление защиты и помощи жертвам войны. Международный журнал Красного креста. № 874-2009. С. 128.

² A/RES/60/1, para. 138–140.

³ В Афганистане в 2001–2002 гг. коалиция участвовала в международном конфликте, поскольку талибы последние являлись вооруженными силами фактического правительства. Карсуэлл Э. Дж., Ibid.

⁴ Юридический характер и сфера охвата Responsibility to Protect вызывает дискуссии среди государств и в доктрине. Ханн. Peters A. “Humanity as the A and Ω of Sovereignty” // EJIL 20 (2009) P. 513, 540; Stahn C. “Responsibility to Protect: Political Rhetoric or Emerging Legal norm” // AJIL 101(2007), P. 99.

Таким образом, можно заключить о тенденции начавшейся конвергенции МГП и права неприменения силы. Наличие взаимосвязей, пересечений и взаимовлияний имеет не только теоретический, но и практический аспект в плане как классификации конфликтов, так и выяснения объема предоставляемых прав и налагаемых обязательств на его участников, а значит, содействует более четкому соблюдению и выполнению норм международного права. В год 70-летия начала работы Нюрнбергского трибунала как никогда актуальными являются постановления его приговора: «Война по самому своему существу — зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир».

Преподавание международного гуманитарного права в вузах России: состояние и проблемы

Иваненко В. С.,

к. ю. н., доцент кафедры международного права
Санкт-Петербургского государственного университета

В контексте тематики секции «Будущее международного гуманитарного права и особенности его преподавания в юридических вузах России, Беларуси и Молдовы» научно-практической конференции «Кутафинские чтения» под вынесенной в название статьи категорией «международное гуманитарное право» понимается соответствующий раздел международного права, содержащий нормы и принципы по защите прав человека в период вооруженных конфликтов, как они понимаются и применяются Международным Комитетом Красного Креста.

Исторический экскурс. В России преподавание знаний о защите прав человека во время войны имеет глубокие исторические корни и связано с зарождением в университетах в середине XIX в. преподавания курса международного права как самостоятельной учебной дисциплины. По времени оно совпало с началом формирования и деятельности всемирного Краснокрестовского движения по ограничению и гуманизации средств и методов ведения войны.

Исторически преподавание знаний о международном гуманитарном праве (далее — МГП) в вузах России всегда осуществлялось в двух основных формах.

Во-первых, преподавание этих знаний в базовых учебных курсах по международному праву. Традиционно данные учебные курсы всегда включали и включают в том или ином объеме знания о принципах и нормах защиты прав человека во время войны. Этой практике уже более 150 лет и она берет свое начало еще в первых курсах по международному праву XIX в. Так, в первом отечественном фундаментальном курсе «Современное международное право цивилизованных народов» Ф. Ф. Мартенса 1882/83 гг. издания в довольно объемной главе «Право войны» подробно изложены средства и методы смягчения жестокостей войны и правовой защиты ее жертв. И далее в течение полутора веков вопросы защиты прав человека при ведении военных действий во всех

Преподавание

учебных курсов
объеме в разд
ведения и за

Во-вторых
в вузах стра
спецкурсов б
в тот период
профессора С
С тех пор пра
войны под ра
гим высшим

В связи с
Московская
заведениях Р
с середины 90
гуманитарно
систему, обе
ными тиража
характера. Б
добилась вкл
зовательный
сти «Юриспр
обязательной
гуманитарно
обороны по
заведениях.
разования и
странение зн
учреждениях
страны. В ит
ниями о МГ

Следует
Министерств
и вузах стра
таны и реали
и планов так
и в печатном

Проблемы
при всем выш

Терминология
подаванием
учебника или
сфере, в поли
стемах (и бум
в период вой
дународного
конфликтов»
ется еще и те